

Глава 1

Как армия «съела» Россию

Ловушкой нашей модернизации стало крепостное право, привязавшее миллионы людей к барину и к небольшому клочку земли в то время, когда для целого ряда европейцев начиналась уже эпоха больших перемен — эпоха научной революции, торгово-промышленных городов, социальной мобильности. Различные попытки объяснить причины векового «русского рабства» во многом определяли различные трактовки проблем российских преобразований. Если одни исследователи исходили из того, что крепостничество испокон веков было важной частью нашей культуры, то другие стремились найти рациональные объяснения возникновения и отмены этого института. Соответственно, одни считали наше «рабство» практически неисчислимым, тогда как другие связывали его лишь с обстоятельствами, сформированными спецификой той или иной эпохи.

Николай Карамзин и Николай Костомаров полагали, что «рабство» было заложено в наш национальный характер татаро-монгольским игмом и стало культурным феноменом, сохранившимся через много лет после его свержения [Карамзин 1993: 202–203; Костомаров 1870: 497, 502]. Не исчез этот подход и сегодня. О влиянии монголов на мировоззрение русских людей не так давно писала, например, Элен Каррер д'Анкокс [Каррер д'Анкокс 2005: 37–38]. Обосновать подобный подход трудно. Он основан, скорее, на эмоциях его сторонников, чем на фактах [подробнее см. Травин 2021а: 68–71]. Но эмоции иногда оказываются устойчивее, чем итоги рационального анализа, и больше влияют на взгляды широких масс. Поэтому ныне в интеллектуальных спорах о судьбах России весьма распространено мнение, будто «рабский менталитет» объясняет все наши проблемы. И чем больше проблем возникает, тем более устойчивыми

становятся представления о зависимости дня нынешнего от культуры далекого прошлого.

В советское время, правда, о рабской психологии народа говорить было не принято. Народ оказывался «всегда прав», а крепостное право объяснялось «по Марксу», как объективный элемент феодального способа производства, приходящий и уходящий в связи с развитием производительных сил общества. Стандартный учебник истории отмечал, что крестьянин находился в личной, крепостной зависимости от феодала, а тот осуществлял внеэкономическое принуждение производителя к труду [Колесницкий 1980: 4–8]. Данная схема выглядела вполне рациональной, но формировала у студента примерно те же представления, что и теория «вечного рабства». Ведь если крепостное право «на Западе» исчезает к началу Нового времени, а в России сохраняется аж до второй половины XIX в. (и потом реинкарнируется в виде сталинских колхозов), то вновь получается что-то вроде порочного круга, из которого нам не выбраться.

С падением Советского Союза пал и марксизм как «единственно верное учение». Но представления о нашем «вечном рабстве» нигде не исчезли. Американский историк Ричард Пайпс сформулировал вотчинную теорию, согласно которой отличие России состоит в том, что вся страна является собственностью царя [Пайпс 2004: 42]. А если так, то поголовное рабство становится неизбежной частью нашего государственного устройства: все подданные — от ближайших царедворцев до крестьян из дальнего захолустья — государевы холопы без собственности, без индивидуальности, без прав и без перспектив. На самом деле собственность была как в России, так и в других европейских странах, устроена намного сложнее, чем следует из книг Пайпса [подробнее см. Травин 2018а: 81–87; Травин 2021а: 75–159], но простая вотчинная схема оказалась вполне доступной и понятной для многих людей, даже не читавших Пайпса, а лишь слышавших про него в пересказе. И потому представления о вечном русском рабстве распространены по сей день.

Можно ли объяснить причины появления и долгого сохранения крепостного права в России принципиально иным способом? Можно. Но, как ни парадоксально, объяснение это будет исходить не из культуры, как у Карамзина с Костомаровым, не из экономики, как у советских марксистов, и не из государственного устройства, как

у Пайпса. Наш анализ должен будет связать крепостничество с тем, что, на первый взгляд, совершенно не связано с трудом человека на земле, — с армией, вооружениями и проблемами финансирования военных действий. Если даже сейчас вопрос обеспечения армии ресурсами заставляет некоторых правителей выкручивать руки и вытряхивать карманы граждан своей страны, то в далеком прошлом он заставлял монархов вынимать из своих подданных душу.

Почему Европа могла позволить себе «роскошь феодализма»?

В Европе Средних веков возможности ведения войн ограничивались отсутствием у государей больших ресурсов. В той мере, в какой средства имелись, можно было собрать собственные отряды (дружины) или воспользоваться услугами солдат, нанятых на время. Но для осуществления масштабных боевых действий таких войск не хватало. Не удавалось королям в полной мере опереться и на народные (городские) ополчения. Качественное вооружение и крепкий конь стоили больших денег, а потому призыв бедноты мог лишь дополнить армию, но не сформировать ее основу [Контамин 2001: 42, 70]. «Возникло убеждение, что в войне должны участвовать только воины, *bellatores*» [Фоссье 2010: 256]. Городская милиция использовалась для поддержания внутреннего порядка, для подавления бунтов и для поддержки основной армии в кризисной ситуации, но серьезную военную силу она представляла лишь изредка [Prak 2015].

Значительно большую роль, чем наемничество и народное ополчение, играла при формировании армий основных европейских стран феодальная организация. Монарх наделял вассалов землей, обеспечивавшей им пропитание и вооружение, а те со своей стороны обязаны были являться по зову сеньора для участия в объявленном им походе [Кареев 2015: 123]. Король для ведения войн созывал своих вассалов, и они приходили к нему не потому, что сюзерен платил им деньги (хотя и такое случалось), а потому, что подобная поддержка монарха являлась основой существования общества. Ведь если вассал не поддерживал сеньора, то и сам, в свою очередь, не получал от него помощи при угрозе, которая могла возникнуть его владениям. В эпоху нашествий

на Европу норманнов, сарацин и мадьяр, подобный механизм иерархической взаимопомощи был единственным реальным способом защиты европейских стран [Ле Гофф 1992: 52].

Тем не менее в системе феодальной иерархии имелись слабые места.

Первая проблема состояла в том, что войско часто бывало неэффективно. При ведении масштабных боевых действий, требовавших большой армии, могла возникнуть ситуация, «когда отсутствовал один признанный всеми лидер, который отвечал бы за определение плана войны и управлял всем войском. Армия могла состоять из отрядов нескольких феодалов, не всегда готовых согласовывать свои действия. Не было ничего удивительного в том, что цели участия каждого из них в войне различались. Армии легко распались на обособленные части, ведущие самостоятельные кампании» [Куманьков 2019: 41–42].

Низкая эффективность была связана и с тем, что армии не могли воевать долго, поскольку вассалы обязывались находиться на службе лишь сорок или шестьдесят дней в году. Когда этот срок истекал, рыцари расходились по домам [Виолле-ле-Дюк 2007: 79; Гутнова 1960: 60–61]. Если же требовалось воевать дольше, король должен был платить жалованье своему войску вне зависимости от того, что вассал пользуется переданной ему землей [Перруа 2002: 32; Burgers, Damen 2018: 787]. Существовала высокая степень риска, что война при таком подходе закончится в лучшем случае безрезультатно для монарха, а в худшем — столкновением с превосходящими силами противника. Формирование постоянных гарнизонов, необходимых, скажем, для контроля за оккупированными территориями, в такой ситуации вообще было невозможно [Корриган 2015: 89].

Бывали случаи, когда вассал держал разные участки земли от разных сеньоров. Если те вступали между собой в войну, «слуга двух господ» оказывался в весьма сложном положении. В Брабанте, например, местные обычаи предполагали, что он останется пассивным и вступит в схватку лишь в том случае, если один из сеньоров ведет войну, прибегая к нечестным методам [Burgers, Damen 2018: 788]. Но если таких традиций не было, то «в случае возникновения противоречий между вассальными обязательствами всегда можно было объявить одну из вассальных связей приоритетной, а другие — менее важными» [Дюби 2015: 142].

Наконец, слабость феодального контингента определялась тем, что у сеньора не было никаких способов проверить, действительно ли вассал привел на войну все свои силы или нет. К XIV в. во Франции они приводили, по некоторым оценкам, не более десятой части тех людей, которых могли использовать во внутренних конфликтах в своих собственных интересах [Перруа 2002: 31].

Вторая проблема феодального войска возникала тогда, когда вассал сам являлся монархом и имел военные планы, несовместимые с планами сеньора. Например, по Парижскому договору 1259 г. король Англии являлся вассалом короля Франции и приносил ему оммаж, поскольку в качестве герцога Аквитанского владел землями на континенте [Басовская 2003: 108–113]. Понятно, что «мобилизовать» такого вассала на войну по стандартной процедуре было весьма затруднительно. В 1378 г. король Наварры, являвшийся вассалом французского монарха, был лишен им своего королевства, но счел данный акт незаконным и вступил в союз с Англией, благо это была эпоха Столетней войны [Корриган 2015: 229]. Наконец, совсем странной с современной точки зрения оказалась ситуация 1515 г., когда Карл Габсбург как герцог Бургундский принес вассальную присягу королю Франции Франциску I за «графства Фландрии, Артуа и другие наши земли, которые имеются в держании от французской короны» [Боровков 2021: 31]. Вскоре после этого молодой герцог стал королем Испании и германским императором Карлом V — самым могущественным человеком Европы. Франция оказалась его главным противником, что породило длительные войны с Франциском. Начались они, кстати, с того, что один из вассалов императора выступил вдруг на стороне Франции, презрев ради денег свои обязательства [там же: 80–81].

Третья причина неэффективности феодальной армейской системы связана с тем, что отдельные вассалы могли уклоняться от выполнения своих обязанностей или делать ставку на иного сеньора: более эффективного или более легитимного с их точки зрения. В такой ситуации королю могло просто не хватить сил для наведения порядка в собственном «доме» [Контамин 2001: 47; Тилли 2009: 93; Гутнова 1960: 61, 92]. Как отмечал Макс Вебер, «в отношении вероломного вассала господин зависим от помощи других своих вассалов или же от пассивности (младших) вассалов клятвоступника» [Вебер 2016: 293].

Характерный пример — конфликт императора Генриха IV с папой Григорием VII. В 1076 г. понтифик отлучил этого своего врага от церкви, воспретив ему править Германией и Италией, а также освободив подданных монарха от клятвы верности. Генрих попытался в свою очередь провозгласить анафему папе, но в собор, где происходило действие, и в резиденцию государя ударила молния, оставив от них лишь пепелище. Это было воспринято как знак свыше, и тут же образовалась княжеская оппозиция Генриху, поскольку он был теперь для своих вассалов нелегитимен. Немецкие князья заявили, что не признают его сеньором до тех пор, пока он не снимает с себя папскую опалу. На сторону понтифика перешли даже принцы Конрад и Генрих. В итоге Генриху пришлось воевать против своих же собственных вассалов и детей, причем он несколько раз терпел поражение от них, перенес плен и скончался, лишенный монаршего престола [Бульст-Тиле, Йордан, Флекенштейн 2008: 257–279; Рапп 2009: 155–160].

У Генриха V была иная проблема — злоупотребление властью. Он попытался слишком активно вмешиваться в дела своих вассалов и даже арестовал графа Тюрингии, что привело к сопротивлению. В 1115 г. император проиграл битву князьям, которые имели войско, превосходящее армию монарха по численности [Бульст-Тиле, Йордан, Флекенштейн 2008: 301; Рапп 2009: 166].

Понятно, не всегда вассалы сражались против императора, но зато при любом ослаблении центральной власти они стремились ограничить выполнение своих обязанностей. В Англии «при сильных монархах — Эдуарде I, Эдуарде III, Генрихе V — отказывавшихся служить было мало, но при слабых и непопулярных — Эдуарде II, Ричарде II, Генрихе VI — рыцари часто уклонялись от службы в армии» [Корриган 2015: 102]. В Германии власть, в принципе, была слабой, а потому в XII–XIII вв. королей Чехии, герцогов Австрии и маркграфов Бранденбурга император мог мобилизовать лишь для боевых действий в пределах империи или отдельных ее частей, но не для зарубежных походов [Контамин 2001: 92]. Чтобы исправить ситуацию, доброжелатели советовали Генриху IV и Генриху V заменить феодальную службу налогом, который позволял бы покупать услуги наемников, но в Германии реализовать эти рекомендации на практике было трудно [там же: 50].

Проблемы имелись не только в Германии и Англии. Вот итальянская история. В 1127 г. скончался герцог Апулии Вильгельм, провозгласив

наследником своего кузена Рожера Сицилийского. Но граф Сицилии был вассалом римского папы, и тот не утвердил его как нового герцога. Тем не менее Рожер решил вступить в права. При этом бароны южной Италии поддержали папу Гонория. В итоге Рожер сошелся на поле брани со своим сеньором (папой) и своими потенциальными вассалами (баронами). Больше месяца две армии стояли друг против друга, пока, наконец, воины Гонория не стали терять терпение. И тогда папа вынужден был пойти на уступки, признав права графа на герцогство [Норвич 2005: 326–357].

Перенесемся во Францию. Там в 1272 г. Филипп III собрался в поход на мятежного вассала. Но другие вассалы не стремились прибыть на службу. Король пытался их штрафовать, но это не слишком помогало [Контамин 2001: 95]. Впрочем, эта история оказалась незначительной в сравнении с проблемами, возникшими в ходе Столетней войны. После пресечения династии Капетингов английский король Эдуард III претендовал на французский трон как сын дочери Филиппа Красивого, наряду с Филиппом Валуа — наследником по мужской (но боковой) линии. «Эдуард III рассчитывал привлечь на свою сторону французских сеньоров, находившихся в вассальной зависимости от французского короля. Если он, а отнюдь не Филипп VI, был законным королем Франции, сеньоры могли нарушить присягу, данную французскому королю, и перейти на сторону Эдуарда» [Такман 2013: 95]. И впрямь, лояльность французских вассалов королю из династии Валуа на протяжении всей войны оставалась проблематичной.

В общем, феодальная система была не слишком удобна для правителей. Вассал мог уклоняться от службы, мог предавать своего сеньора, мог делать ставку на другого сюзерена. «Условия децентрализованной феодальной системы позволяли создать лишь слабо дисциплинированную и временную армию. Кроме того, такая армия была немногочисленной: самая большая из них могла насчитывать от силы 20 тыс. человек, большинство из которых составляли не рыцари, а разношерстная толпа оруженосцев и слуг» [Кревельд 2008: 156]. Если бы на западные страны обрушился в какой-то момент новый по-настоящему сильный противник, они могли бы не устоять. Однако, поскольку таких противников не было, «Европа могла позволить себе “роскошь феодализма”» [Уваров 2011: 114] без опасения стать жертвой очередной

волны набегов. Ситуация стала меняться лишь на исходе Средних веков, и происходило это в связи с развитием экономики.

В первой половине XIV в. появился скандальный для своего времени стишок. Или, точнее, ода. Ода деньгам: «Деньги делают человека видным. Деньги делают его значимым. Деньги сокроют любой его грех. На деньги он все сможет купить. Деньги дадут ему женщин для наслаждений. Деньги отправят его душу на небеса. Деньги повергнут его врагов на земле. Без денег человек как прикованный. Лишь они меняют мир и крутят колесо фортуны. И если ты хочешь, они отправят тебя в рай. Мудр тот, кто способен их накопить, поскольку лишь деньги избавят вас от меланхолии» [Parks 2006: 17–18]. Возможно, реальная роль денег здесь несколько преувеличена, но той сферой, в которой они действительно произвели радикальный переворот, являлась организация армии.

По мере того как формировались крупные финансовые ресурсы, которые можно аккумулировать для ведения войн, феодальная система стала разваливаться. Во-первых, технический прогресс сделал армию более сложной и дорогой, вынуждая королей прибегать к налогам и займам для мобилизации ресурсов. Во-вторых, монархи, ощутившие вкус денег, стали проявлять заинтересованность в привлечении все большего объема средств для уменьшения своей зависимости от вассалов. В-третьих, выяснилось, что наемные отряды, создаваемые с помощью налогов и займов, эффективнее феодальной армии.

Начнем с технического прогресса. Появление пороха создало такие виды вооружения, которые требуют больших финансовых затрат и практически уже несовместимы с традиционным феодальным войском. Система вассалитета была способна более-менее эффективно поставлять бойцов для королевских армий, но в ситуации, когда человеческий ресурс теряет свою относительную ценность в сравнении с огнестрельным оружием, требовались иные способы формирования вооруженных сил. На первый план вышли деньги [Энгельс 1948а: 156], с помощью которых можно приобретать пушки и аркебузы, а также строить мощные оборонительные сооружения, способные выдерживать артиллерийский обстрел.

Какое-то время средневековый рыцарь мог худо-бедно сосуществовать со всеми этими новшествами, но в долгосрочном плане он не вписывался в систему, предполагающую умение обращаться